

У старого сказителя

(Из путевого блок-нота)

Вечерело. От реки веяло легкой прохладой. Солнце стояло низко над холмами. Недалеко от моста через Белый Июсс расположились две избышки и загоны колхозного скота. Это — Торча, летнее жилище известного в районе сказителя, певца-чатханиста Семена Прокопьевича Кадышева. Летом он занимается охотой, рыбачит.

Во время разъездов по колхозам для записи народных хакасских песен, особенно старинных, я слышал о нем и решил посетить его, познакомиться поближе и попытаться что-нибудь записать.

Две охотничьих молодых собаки кинулись ко мне, предупреждая хозяев, но, обнюхав, успокоились. Из низкой двери вышел военный, оказавшийся младшим братом Семена Прокопьевича. Он сейчас в отпуску. От него я узнал, что Семен Прокопьевич на охоте и что его еще не скоро ждут, а может быть он и вовсе заночует в лесу. Но я решил ждать...

Вот вернулся и хозяин. Высокий, крепкий, на вид лет 60-ти. Пока накрывали стол, я успел с ним познакомиться, рассказать о цели моего

приезда, прочитал ряд записанных мною ранее песен. Перед ужином спел по-хакасски несколько комических застольных песен, чем невероятно рассмешил всех, особенно недоверчивую хозяйку. Ужинали уже за просто, друзьями.

Семен Прокопьевич, угадав мое желание, бережно снял чатхан и стал слегка настраивать.

— Ну, что тебе спеть? — улыбаясь, спросил он. Я попросил сыграть отрывок из сказки.

— Чарир, спюк Чанар-Хусе, — сказал он.

Четкая, ритмичная игра поразила меня. Не обладая особо сильным голосом, Семен Прокопьевич может петь не уставая. Репертуар его огромен. Он виртуозно владеет чатханом, четко отделяя мелодию от аккомпанеента: у других исполнителей часто трудно бывает разобрать что к чему. Сыграв несколько старинных песен, Семен Прокопьевич сказал:

— Да, все это хорошо, а вот сын мой приехал из армии в отпуск и говорит:

— Что ты, отец, все старину играешь? Ты бы наше изобразил, воем-

нос, му, тогь, как аэропланы летят. Попробуй!

— Вот я сижу, голову ломаю, обидно, ничего не выходит. Ночью сидел, утрами сидел, потом сыну говорю:

— Вот, послушай.

Сын слушал — слушал, задумался и сказал:

— А знаешь, отец, похоже, добился!

Действительно, чатхан звучал совсем своеобразно. Сначала я подумал, что это импровизация, но ухо уже уловило закономерность изложения мелодии, я решил попытаться зафиксировать хоть кусочек музыки...

— А это кавалерия скачет, — сказал Семен Прокопьевич. Было очень похоже.

— А это раненый красноармеец на поле боя лежит...

Я попробовал записать и мне целиком удалось зафиксировать все эти мелодии, оказавшиеся настоящими художественными произведениями для чатхана. Это были не импровизации. Семен Прокопьевич сочинил мелодии сам, которые и держит в голове фиксированными. Я почувствовал это потом, когда Семен Прокопьевич поправлял мой малейшие ошибки.

Семен Прокопьевич — первый хакасский композитор инструментальной музыки для чатхана. Он хорошо исполнил собственные песни. Я едва успевал при свете коптыльки ставить свои точки и черточки в нотной полевой тетради. Но хорошо, что Семен Прокопьевич ревниво следил за точностью записи и терпеливо повторял отрывки трудных, абсолютно своеобразных своих мелодий.

— Ну, послушай старинную шаман-

скую, — сказал он. — А дело было так. Давно один шаман жил, сильный Кемлал и на тот свет ехал. Едет он, значит, и рассказывает, что видит, будто на него другой шаман движется.

Он на него и наехал, тот и закричал: — Куда едешь, дурак, осади назад! — И вот, шаман с конем остановился. И вообрази: шаман скачет, а колокольчики замолкли, не звенят...

Семен Прокопьевич хитро мне подмигнул и уже начал о другом:

— Вот я, кызылец, а откуда пошли кызыльды? Не знаешь? Ну, слушай. Был князь Кучум, воевал он с чужестранцами, давно это было (мы еще на Тоболе жили), да был разбит. Сын его, Кызлах, взял свой жарод, это наши предки, значит, и пошел кочевать. Шел-шел, пока сюда не пришел.

А чужестранцы сюда идут, нагоняют. Кызлах и говорит народу: „Если они нагонят, то наверное спросят, кто вы, откуда. Валите все на меня, говорите — Кызлах, я за все отвечаю. Чужеземцы нагнали их и спрашивают: „Вы что за люди?“ „Старики и говорят — „Кызлах“. „А земля это чья?“ „Кызлах“. — „Ну, а ваши отцы кто?“ — „Кызлах...“ „Так как же вас в книги вписать?“ — „Кызлах“. — Удивился предводитель чужестранцев и говорит писарю: „нашли мы народ, а зовут его Кызлах“. Семен Прокопьевич добавил: „вот так мы и стали кызыльдами“. Далее по сказке выходило, что койбалы это — те, которые барана стащили (хой-баран). В юмористически безобидном рассказе попало всем и качиндам и сагайдам. Много о чем рассказывал и пел Семен Прокопьевич. Мечта его — услышать самого себя в механической звукозаписи.

Семен Прокопьевич рассказывал с увлечением, я записывал. Мы не замечали, что все уже спали. Был четвертый час. Занимался рассвет. Тянуло свежестью. Лишь вдали, за рощей, шумел Июсс. Я готов был записывать еще и еще, но уже несколько часов сидели мы с гостеприимным хозяином. Пора немного вздремнуть.

Утром Семен Прокопьевич сыграл еще несколько старинных кызыльских песен. Одна из них оказалась изумительной по своему невероятному звучанию (нечто в роде арабского лада дирэфкенд). Чтобы сыграть ее, Семен Прокопьевич нажимал даже первую струну чатхана — секунду к основному тону. Эта струна никогда не нажимается другими чатханистами, но Семен Прокопьевич, как изумительный мастер, использовал и ее, расширяя до пределов звуковые возможности чатхана.

Шло время. Солнце взбиралось вверх по небосклону. Провожать меня вышла вся семья.

Стремительно текли воды Белого Июсса. Впереди высились горы. Шапки курганов своими тысячелетними каменными грядками напоминали о прошлом Хакасии.

Мы изучаем старую культуру. У нас есть живые свидетели старины — талантливые люди, как Семен Прокопьевич, от которых нужно перенять весь их опыт и мастерство, чтобы создать произведения, достойные новой советской Хакасии.

Композитор А. Кенель.